

По ту сторону борьбы с повстанцами: почему концепция не работает

Томас Браун*

Введение

Меняющееся лицо современной войны нигде не раскрывается лучше, чем в асимметричном окружении, где традиционные подходы больше не работают. Военные силы сталкиваются с множеством оппонентов, которые уже состоят не из узнаваемых комбатантов, а скорее из нерегулярных бойцов, которые живут среди местного населения и вместе с ним, что крайне затрудняет их идентификацию. Хотя волнения и повстанческие движения не новые явления, в доктринальном мышлении в начале двадцать первого века способностью вооруженных сил бороться с ними пренебрегали. Новые тенденции и вызовы и переосмысление военных боевых операций, а также углубленное развитие комплексного подхода привели к созданию доктрины борьбы с повстанческими движениями. Полевой устав 3-24 сухопутных войск/корпуса морской пехоты США, озаглавленный просто *Борьба с повстанцами* (далее ПУ 3-24), был написан во время последнего конфликта в Ираке. Двигателем процесса разработки в большой степени был генерал Дэвид Петреус. Но стратегия США борьбы с повстанцами показала разочаровывающие результаты в Афганистане и критики уже требуют новых подходов.¹ Шесть лет спустя опубликования ПУ 3-24, многие охвачены чувством разочарования из-за того, что текущий подход борьбы с повстанцами в Афганистане не является панацеей, как было обещано. С точки зрения США, эта тема имеет еще большее значение, так как борьба с повстанцами является «стратегией, благодаря которой США потратили наибольшее количество военных ресурсов после 11 сентября 2001 года».²

* Майор Томас Браун, дипломированный педагог, офицер военно-воздушных сил, проходил службу на Балканах и в Судане. Является выпускником Центра им. Джорджа К. Маршалла, закончил немецкий командно-штабной колледж. Сейчас Томас Браун работает в офисе военного представителя Германии в Военном комитете НАТО в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, Бельгия. Кроме как на отношениях НАТО-Россия, его исследования сфокусированы на развитии способностей НАТО и на всех категориях Общих ресурсов НАТО. Точка зрения, представленная в этой статье, является личным мнением автора.

¹ David Wood, "Counterinsurgency Strategy not Working in Afghanistan, Critics Say," *Politics Daily* (11 January 2011), 1; доступно на: <http://www.politicsdaily.com/2011/01/11/counterinsurgency-strategy-not-working-in-afghanistan-critics-s/>.

² Baucum Fulk, "An Evaluation of Counterinsurgency as a Strategy for Fighting the Long War," Carlisle Paper (Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, March 2011), 1; доступно на: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubid=1052>.

Тенденции и вызовы в современном вооруженном конфликте

Перспектива полномасштабной конвенциональной войны с использованием совместных операций по сценарию государство-против-государства становилась все менее вероятной в последние двадцать лет, хотя такая возможность никогда полностью не отвергалась. Тогда как фундаментальные принципы войны остались неизменными, характер военных действий изменился существенно. Не только число военных конфликтов после окончания Холодной войны уменьшалось (всего до двадцати трех вооруженных конфликтов в 2010), но отношение потерь так же изменилось.³ В начале двадцатого века более 90 процентов убитых и раненых были комбатантами и только 10 процентов были гражданскими лицами; это отношение полностью перевернулось в наши дни, до 90 процентов гражданских жертв и 10 процентов комбатантов.⁴ Оппоненты, как нерегулярные бойцы, так и террористы, строго говоря, уже не являются комбатантами; еще большим вызовом для вооруженных сил является факт, что оппонентов трудно идентифицировать среди нормального населения. Примеры включают талибов в Афганистане или пиратов, действующих у берегов Сомали. Такие оппоненты являются проблемой для конвенциональных вооруженных сил, поскольку они или не подчиняются или не действуют в соответствии с международным правом в период вооруженных конфликтов. Ограничения и правила участия в военных операциях не применимы к противнику, такому как боевики нерегулярных формирований. Так как сценарий государство-против-государства стал менее вероятным, появилось множество определений для различных видов конфликтов, таких как партизанские войны, революции, конфликты низкой интенсивности, триблоковые войны, малые войны или асимметричные войны – размножение номенклатуры, которое иллюстрирует как разнообразие конфликтов, так и трудности дефинирования современных войн.⁵ Хотя история и показывает нам, что «нерегулярные способы военных действий никоим образом не являются исключительно современным явлением», но она дает нам и универсальный урок того, что нерегулярные боевые действия чаще всего были дополнением к традиционной войне.⁶ Сегодня нетрадиционные военные действия часто являются основным инструментом противоборствующих элементов, так как обычно они недостаточно сильны, чтобы противостоять регулярным войскам открыто. В прошлом в конфликтах, в которых участвовали государства, каждая из противостоящих сторон могла начать конфликт, но в повстанческих движениях только повстанцы могут инициировать конфликт, хотя использование силы,

³ Wolfgang Schreiber, “Kriege und bewaffnete Konflikte 2011,” *AKUF Analysen* No.10 (Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung, Universität Hamburg, December 2011), 1.

⁴ Herfried Münkler, “Die neuen Kriege: Privatisierung und Kommerzialisierung kriegerischer Gewalt und Folgen,” рукопись лекции, прочитанной в Берлине, 26 марта 2003 года, 2.

⁵ James K. Wither, “Trends in Warfare,” in *Encyclopedia of Violence, Peace, and Conflict*, Vol. 3, ed. Lester Kurtz (Oxford, UK: Elsevier, 2008), 24–26.

⁶ Там же.

возможно, не будет первым выбором.⁷ Это обрекает регулярные вооруженные силы на то, чтобы просто занимать выжидательную позицию, поскольку упреждающие удары против населения не являются приемлемым вариантом. Повстанцы могут иметь множество причин, большинство из которых политического (а не военного) характера. Основная цель в нынешних конфликтах – это добиться поддержки населения, что является политической проблемой, решаемой обычно военными средствами. Поэтому повстанцы находятся в постоянном переходе от состояния мира к состоянию войны, и часто не видно точки резкого перехода. Из-за проблем, упомянутых выше, наряду с последствиями приватизации военных дел и глобализации в целом, вся военная среда усложняется и становится видно, что военное решение в действительности вообще не является решением. Все-таки борьба с повстанцами в целом считается полностью военной задачей, хотя военный аспект составляет только часть общей картины.

Эволюция борьбы с повстанцами как ответ на современные вызовы

Вследствие неконвенциональных вызовов, с которыми столкнулись коалиционные силы в Ираке и в Афганистане в первом десятилетии двадцать первого века, после окончания официальной войны потребовалось переместить фокус на способы вооруженной борьбы в конфликте низкой интенсивности. Переход от ведения традиционной войны к концепции борьбы с повстанцами был долгим и трудным, так как в 2003 году в Ираке США оказались неподготовленными принять участие в кампании такого неконвенционального типа. Современные вызовы безопасности требуют «новых» ответов, так как конвенциональные формы военных операций более не имеют успеха. Дэвид Галула обратил внимание на эту сложность в своей формулировке, подчеркнув, что «революционная война является на 20 процентов военной операцией и на 80 процентов – политической», и охарактеризовал политическое руководство как работающее в антипартизанском сценарии.⁸ Западные нации не были готовы бороться с повстанцами с необходимой степенью выносливости и у них не хватало соответствующих структур, чтобы вести такую борьбу эффективно.⁹ В особенности на доктринальном уровне, ни одна из основных западных сил – Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Германия – в 2003 году не пересмотрела и не изменила ничего из того, что могло бы служить руководством.¹⁰ Оценивая то, кто какие уроки извлек из истории, можно сказать, что британские вооруженные силы наиболее подготовлены и имеют наибольший опыт в ведении малых войн, так как их доктрина борьбы с повстанцами была пе-

⁷ David Galula, *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice* (Westport, CT: Praeger Security International, Classics of the Counterinsurgency Era, 2006 [1964]), 3.

⁸ Там же, 63.

⁹ John Mackinlay and Alison Al-Baddawy, *Rethinking Counterinsurgency*, RAND Counterinsurgency Study, Vol. 5 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008), 2.

¹⁰ Военная доктрина Германии для борьбы с повстанцами стала доступной только в черновом варианте в 2011 году, и до сих пор официально не опубликована.

решена в 1990 году.¹¹ В 2003 году проблемы, с которыми столкнулись силы коалиции в Ираке и на Ближнем Востоке, были связаны с двумя определенными областями. Первая – ощущалась нехватка опыта в проведении операций по борьбе с повстанцами в смысле опытных офицеров (британцы вели свою последнюю операцию по борьбе с партизанами на Ближнем Востоке в 1976 году в Дхофаре, а для вооруженных сил США опыт Вьетнама оказался давно забытым в смысле доктрины борьбы с повстанцами).¹² Вторая – имел место провал на доктринальном уровне. Уроками истории просто пренебрегали в процедурах планирования операций во время иракской кампании и в начальных фазах операций в Афганистане. Поскольку армия США фокусировала свое внимание на конвенциональной войне, ей понадобилось 30 лет после поражения во вьетнамской войне, чтобы пересмотреть свои концепции с учетом ведения нерегулярных военных действий. Проблемы в Ираке заставили США просить британцев помочь им с подготовкой к нерегулярной войне, так как британцы пользовались отличной репутацией благодаря их успехам в малайской кампании.¹³ Основываясь на опыте в Ираке, на указаниях британских экспертов и под руководством генерала Дэвида Петреуса, в 2006 году был выпущен ревизированный Полевой устав США 3-24 *Борьба с повстанцами*.¹⁴ Создание ПУ 3-24 и начальный успех коалиции благодаря «подъему» в Ираке породили надежду, что борьба с повстанцами могла бы стать концепцией будущего, поскольку многие сторонники этой концепции видели то будущее, в котором в основном преобладало бы ведение нерегулярных войн.¹⁵

Анализ концепции

Концепция борьбы с повстанцами, как гласит ПУ 3-24 в ее наиболее широком определении, понимается как способ мыслить о нерегулярной войне, в то же время имея в виду тот факт, что борьба с повстанческими движениями «в американском понимании является всего лишь слабым отражением гораздо более старой, даже древней практики противостояния повстанцам или нерегулярным врагам».¹⁶ Горка и Килкулен продолжают подчеркивать, что доктринальные принципы ПУ 3-24 в действительности не были сформированы сделанными выводами, а были выведены из ограниченного прошлого опыта, рассматривая лишь малое подмножество из множества разнообразных форм военных действий.¹⁷ По мнению подполков-

¹¹ James K. Wither, “Basra’s not Belfast: The British Army, Small Wars and Iraq,” *Small Wars and Insurgencies* 20: 3–4 (September–December 2009): 617.

¹² Там же, 616.

¹³ Там же, 614.

¹⁴ *U.S. Army/Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*, issue 3-24 (Washington, D.C.: Department of the Army Headquarters, December 2006).

¹⁵ Sebastian L.v. Gorka and David Kilcullen, “An Actor-centric Theory of War: Understanding the Difference Between COIN and Counterinsurgency,” *Joint Force Quarterly* 60 (1st Quarter 2011): 15; доступно на: <http://www.ndu.edu/press/coin-and-counterinsurgency.html>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

ника Паганини, директора Центра по борьбе с повстанческими движениями армии США, оценка успеха операций по борьбе с повстанцами является нелегкой задачей. Подполковник Паганини так же обратил внимание на важность гибкости, которая необходима, чтобы оставаться постоянно способным адаптироваться к современным вызовам.¹⁸ Сосредоточение внимания на сильных сторонах концепции и на ее слабых местах, которые критики идентифицировали как приведшие к неуспеху борьбы с повстанцами в текущей среде, в конечном итоге обеспечит ответ на вопрос, проваливается ли концепция или она только приспосабливается. Я постараюсь, сосредоточившись на слабостях, подчеркнуть необходимость альтернатив, не предвосхищая окончательное заключение.

Сильные стороны

Наиболее важным фактором концепции является обращение внимания на факт, что самое главное в борьбе с повстанцами – это поддержка населения и управление, и тот факт, что вооруженные силы исполняют только одну роль из многих. Борьба с повстанцами является комплексным и целостным системным подходом, который применяется с целью обеспечить мир и стабильность в регионе, предпочтительно с помощью существующего легитимного правительства. Подход «завоевание сердец и умов» ориентирован на население и основан на предположении, что более важно добиться общественной поддержки, чем уничтожить еще одного или двух повстанцев.

Цель состоит в том, чтобы создать приемлемый уровень легитимности местного управления так, чтобы успех был долгосрочным. Один из принципов состоит в том, чтобы сконцентрироваться на политических целях и политических процессах, и в то же время сделать так, чтобы цели были реалистическими. Теоретически этот факт должен быть преимуществом концепции, но к нему надо подходить с двух сторон. Теоретически, сохранение верховенства политического измерения важно для обеспечения общественной и правовой поддержки, но с другой стороны, присутствие большого числа невоенных акторов может создать впечатление о слабости политической воли, или точнее об отсутствии способностей политических акторов. Включение разведывательной и другой информации является другим преимуществом концепции борьбы с повстанцами, так как концепция отдает должное сбору разведывательной информации и ее совместному использованию для того, чтобы знать врага.¹⁹ Для того, чтобы локализовать, обозначить цели и начать противодействовать врагу, необходима достаточная разведывательная информация. Целостный подход концепции направлен на установление корня при-

¹⁸ Kristina Wong, “Counterinsurgency in Afghanistan: Is it Working?,” *ABC News* (9 October 2011); доступно на: <http://abcnews.go.com/US/counterinsurgency-afghanistan-working/story?id=14694736>.

¹⁹ Crispin Burke, Michael Few, and Clarke Prine, “Evolving the COIN Field Manual: A Case for Reform,” *Small Wars Journal* (July 2011): 1; доступно на: <http://smallwarsjournal.com/jml/art/evolving-the-coin-field-manual-a-case-for-reform>.

чин, относящихся к населению, которые приводят к подъему повстанческого движения, с тем, чтобы противодействовать этим факторам. После того, как мы забыли, как вести малые войны – в случае с США и нежелание возвращаться к этому, – важно еще один раз подумать о борьбе с повстанцами как о необходимом инструменте для тренировки и обучения вооруженных сил при подготовке к боевым действиям. В итоге, борьба с повстанцами является более тактическим подходом для военных, и который способен адаптироваться к широкому кругу обстоятельств, но требует предварительного обучения и подготовки. В то же время, концепция борьбы с повстанцами полезна для генерирования единых целей для множества игроков в кризисном районе, так как она объединяет разные подходы противодействия повстанцам и укрепляет единство усилий. Концепция сама по себе позволяет всем акторам в любой момент адаптировать план к потребностям на месте.

Слабые стороны

Высокопоставленный лидер талибов в 2010 году ясно дал понять, что «одной из главных причин нашей популярности является провал афганского управления».²⁰ Это заявление показывает, что важность поддержки законного правительства не может быть преувеличена перед началом операции типа «взять или уничтожить». Но фокус на местное, региональное управление в кризисном регионе должен исходить и из других источников, кроме как единственно военных. Хотя военные часто имеют больше наличных ресурсов в кризисном районе и которые они могут предоставить местному управлению, само управление остается прерогативой гражданских лиц. В процессе оценивания ПУ 3-24 стало очевидным, что при рассмотрении только ограниченного числа примеров из западных стран в двадцатом веке, обсуждение стратегии борьбы с повстанцами имеет несколько ограниченный характер. К тому же, этот факт так же ограничивает наше мышление и понимание текущих и будущих вызовов в сценариях малых войн.²¹ Горка и Килкунен подчеркивают, что «современная западная теория [борьбы с повстанцами] построена на горстке книг, написанных на основании опыта практиков в горстке конфликтов, имевших место в двадцатом веке ...».²² Хотя борьба с повстанцами в ПУ 3-24 представлена как гораздо более сложная, чем думали раньше, но когда на нее посмотришь через линзу истории, становится понятно, что она представлена в весьма узкой перспективе: Ирак – это не Малайзия и не Ирландия. Важно отметить, что ПУ 3-24 так, как он используется сегодня, предлагает солдатам набор лучших практик и удобную для использования «технологическую карточку». Но без признания того факта, что каждое повстанческое движение отличается от тех, что были раньше, невозможно понять, что каждая кампания борьбы с повстанцами также должна быть различной. Продолжительность периода ротации оказы-

²⁰ Wood, “Counterinsurgency Strategy not Working in Afghanistan,” 3.

²¹ Gorka and Kilcullen, “An Actor-centric Theory of War,” 15.

²² Там же, 15–16.

вает влияние на успех операций по борьбе с повстанцами. Создание доверительных отношений с местными жителями занимает много времени, а если период оперативного развертывания длится только от четырех до шести месяцев,²³ не следует ожидать, что будет достигнут адекватный уровень знаний и степень уважения между основными игроками. Короткий срок размещения был одной из причин для частого изменения стратегии в Ираке, и он препятствовал усилиям британских военных по установлению доверительных отношений с населением в зоне операций.²⁴ Для того, чтобы работать в тесном контакте с местным населением или с местными лицами, принимающими решения, очевидно, что необходим определенный уровень доверия. В этом смысле подход «завоевывать сердца и умы» понимали совершенно неправильно. В борьбе с повстанческими движениями этот подход означает, что завоевание поддержки местного населения может служить центром тяжести для всех задач миссии, но популярность и желание нравиться не являются главными целями. Конечно, необходимо использовать грубую силу в кинетических операциях во время кампании борьбы с повстанцами, но цели должны быть тщательно отобраны, имея в виду то, что конечной целью является установление легитимного и функционального управления. Нынешние ожидания, происходящие из военных операций в Ираке, являются слишком высокими и их не следует переносить на ситуацию в Афганистане – действительно, подвергается сомнению даже утверждение, что успех в Ираке привел к тому, что США изменили свой подход к операциям по борьбе с повстанцами.²⁵ Медлительность процесса оказывает серьезное влияние на уровень местной общественной поддержки.²⁶ Действия по борьбе с повстанцами требуют времени и стоят дорого, что подвергает нажиму со стороны политических действующих лиц, которым часто предстоят выборы на следующий срок, причем до того, как будет закончена кампания по борьбе с повстанческим движением. Борьба с повстанцами не может изменить стратегию. Она осуществляется на тактическом и оперативном уровне, но однозначно требует целостной стратегии, которая не состоит только из ожидания реализации краткосрочных целей.²⁷ Имея в виду слабость концепции, Ууд сформулировал требования практики прямо: «К черту сердца и умы. Иди и убей врага!».²⁸

²³ Британские контингенты обычно отправляются за границу для выполнения миссий сроком на шесть месяцев, тогда как немецких военнослужащих нормально посылают в командировку на четыре месяца, хотя имея в виду тот факт, что установление доверия требует времени, в Германии существуют гибкие правила, позволяющие развертывание контингентов сроком до года.

²⁴ Wither, “Basra’s not Belfast,” 618.

²⁵ David H. Ucko, “Counterinsurgency after Afghanistan: A Concept in Crisis,” *Prism* 3:1 (National Defense University Press, Center for Complex Operations, December 2011): 4.

²⁶ Для успешной борьбы с повстанцами обычно необходимо от двенадцати до пятнадцати лет, Gorka and Kilcullen, “An Actor-centric Theory of War,” 17.

²⁷ Mackinlay and Al-Baddawy, *Rethinking Counterinsurgency*, 62.

²⁸ Wood, “Counterinsurgency Strategy not Working in Afghanistan,” 1.

«По ту сторону БОПО»: является ли концепция борьбы с повстанцами правильным ответом на текущие конфликты?

В условиях отсутствия когерентной стратегии и имея в виду факт, что каждая кампания по борьбе с повстанцами является различной, может оказаться, что «доктрина генерала Петреуса» борьбы с повстанцами просто неприложима к Афганистану.²⁹ Восход и падение актуальности борьбы с партизанами были замечательно быстрыми, но какие имеются альтернативы? В настоящий момент в ходе дискуссии сформировалось мнение в поддержку подхода, при котором усилия по широкомасштабным операциям по борьбе с повстанцами уменьшаются, и в то же время части специального назначения ведут прямые военные действия против остатков сил Аль-Каиды и талибов, которые определяются как «контртерроризм», постепенно отказываясь от дорогостоящего гражданско-военного подхода к борьбе с повстанцами.³⁰ К тому же после почти десяти лет операций в Афганистане (с немногими признаками успеха), общественность в США стала более чувствительной к своему присутствию там, что усиливает нажим для изменения стратегии.³¹ Концепция контртерроризма поддерживает более узконаправленный и более точный подход к уничтожению противоборствующих элементов, который дешевле комплексного подхода, применяемого в борьбе с повстанцами. Сочетание элементов концепций борьбы с повстанцами и борьбы с терроризмом – так называемые «Контртерроризм плюс» операции – при которых операции «задержать-или-уничтожить» проводятся наряду с защитой немногих ключевых населенных пунктов, похоже, может оказаться обещающей альтернативой.³²

В целом можно сказать, что концепция борьбы с повстанцами является правильным решением для большинства текущих конфликтов в смысле планирования и проведения операций, так как она предлагает четкую систему рекомендаций и лучших практик. Но эти усилия требуют времени, денег, решительности и политической поддержки. Важно иметь в виду, что концепция борьбы с повстанцами не является панацеей, на которую надеялись и которую хвалили, когда был введен ПУ 3-24. В настоящий момент, по-видимому, происходит негласный переход от концепции борьбы с повстанческими движениями к концепции борьбы с терроризмом, сдвиг, который уже произошел, но пока незаметно. Основная выгода от этого перехода состоит в том, что он предоставляет политическим акторам способ уйти из Афганистана, не потеряв лицо публично. Даже с переходом к контртерроризму и с учетом вызовов среды безопасности, выражение «после борьбы с повстанцами» всегда одновременно надо понимать и как «перед началом борьбы с повстанцами».

²⁹ Там же, 2.

³⁰ Peter Rudolf, "War Weariness and Change in Strategy in U.S. Policy," *SWP Comments* No.34 (German Institute for International and Security Affairs, October 2011): 2.

³¹ Wood, "Counterinsurgency Strategy not Working in Afghanistan," 1.

³² Rudolf, "War Weariness and Change in Strategy in U.S. Policy," 6.

Заключение

Проблемы и угрозы в среде безопасности появляются рука об руку с серией вызывающих даже еще большее беспокойство фактов, как например уменьшение срока военной службы, быстрое уменьшение военных бюджетов, усиление ощущения уровня угроз, комплексный характер будущих рисков и конфликтов. Но в отношении борьбы с повстанческими движениями, то, что делается на настоящий момент – это по существу подготовка к «последней операции по борьбе с повстанцами». Ограниченный набор малого числа отобранных успешных операций по борьбе с повстанцами создал фальшивое ощущение безопасности в Ираке и Афганистане.³³ Западные силы выбрали трудный путь, чтобы заново выучить уроки нетрадиционной войны и адаптироваться к вызовам изменяющегося сценария борьбы с повстанцами. Горка и Килкулен подчеркивают, что «единственная и единая доктрина борьбы с повстанцами невозможна, как невозможна универсальная система лучших практик ...».³⁴ Поэтому уроки на основе опыта и лучшие практики используются хорошо, если их учитывают при планировании будущих операций, но такие действия всегда требуют применения местной и региональной перспективы, так как борьба с повстанцами в Восточной Азии может быть не то же самое, что борьба с повстанцами в джунглях Перу. Концепция борьбы с повстанцами так, как она сформулирована в ПУ 3-24, предоставляет широкий набор объяснений, лучших практик и рекомендаций, основанный на опыте прошлых операций, но эти правила надо приспособлять с учетом специфических, местных проблем. Они могут быть полезны при планировании и проведении планов кампаний, но сами по себе они не являются стратегией.³⁵ Отсутствие целостной стратегии, как для проведения операций, так и для сферы политики, очевидно, и его нельзя замаскировать применением хороших практик. Для современных вооруженных сил важно, чтобы они были в состоянии охватить весь спектр операций, от малых войн или борьбы с повстанцами до полномасштабной конвенциональной войны государства-против-государства.

Концепция операций по «борьбе с повстанцами», как она поставлена в ПУ 3-24, является правильной концепцией для ведения малых войн, но ей нужна более широкая база исторических примеров, из которых можно было бы извлечь идеи для адаптации, признав, что каждая кампания по борьбе с повстанцами имеет свои особенности, и концепция не может заменить комплексную стратегию с реалистическими политическими целями. Этциони правильно отмечает, «что если мы хотим иметь концепцию борьбы с повстанцами, которая будет работать, то ее основательно надо переделать».³⁶ Сегодня мало шансов, что какое-нибудь западное государство в ближайшем будущем выделит такое большое количество войск для

³³ Andrew P. Betson, "Slow Learners: How Iraq and Afghanistan Forced Britain to Rethink COIN," *Armed Forces Journal* (November 2011): 41.

³⁴ Gorka and Kilcullen, "An Actor-centric Theory of War," 16.

³⁵ Ucko, "Counterinsurgency after Afghanistan," 11.

³⁶ Amitai Etzioni, "Whose COIN?" *Joint Force Quarterly* 60 (1st Quarter 2011): 19.

участия в каком-нибудь сценарии борьбы с повстанческими движениями, так как «борьба с повстанцами не есть приятное переживание и соответственно мало кто будет иметь желание его повторить».³⁷ Но тяжелые уроки прошлого десятилетия не должны быть потеряны снова.

³⁷ Ucko, “Counterinsurgency after Afghanistan,” 15.